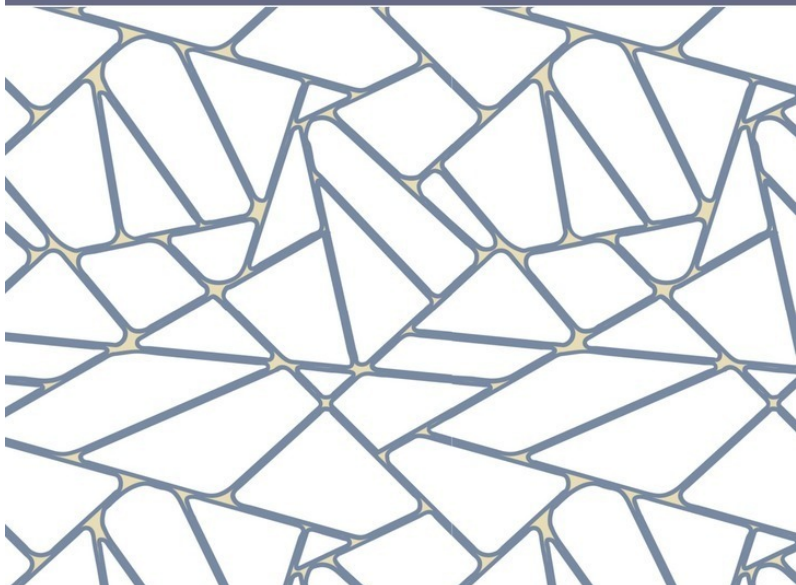

Сергей Васильевич Ходосевич

Билет в ад

Мистика и фантастика

Сергей Васильевич Ходосевич
Билет в ад. Мистика
и фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395112

ISBN 9785449097552

Аннотация

Сборник мистики и фантастики. Предания старины и народные легенды. Фантастический экскурс в будущее и прошлое, в которое можно верить.

Содержание

Слово о русской березе	5
Грот	7
Страшная сказка	12
Московские страницы. Ванда	25
Московские страницы. Дама в белом	28
Московские страницы. Жужу	32
Новые легенды Даниловской мануфактуры	37
Московские страницы. Знаки зодиака	46
Волынка у моря напела	52
Призрак Адарки	57
Вопли обычного домового	62
Сатана	68
Глава 1	71
Глава 2	75
Глава 3	78
Глава 4	81
Глава 5	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Билет в ад
Мистика и фантастика

Сергей Васильевич
Ходосевич

© Сергей Васильевич Ходосевич, 2018

ISBN 978-5-4490-9755-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чтут святейшую, любя!

Грот

Возле села за Черную горою,
Речушки быстрой берега,
Что кличат просто-Ангарою,
Есть просто гиблые места..
Дух ведьмы старой тут
Вороньей правит черной стаей,
И вместе лес от смуты берегут,
Дел черных магией блистая,
Все храбрецов к ним
в гости ждут.
Однажды Прохор-непутевый,
Рубаха- парень, ну и плут.,
После гуляночки- веселый,
Решил увидеть ада слуг.
И из села через болото,
Потом на лодке по реке,
Была ему прибыть охота,
К дуплу большому на дубке.
За коим было нечто грота,
О коем слышал на селе.
Но воронье проклятое кричало
И наровило в темя долбануть,
Сосна, что рядом по-людски
стонала,

А нечто черное, как тень летала,
в глаза пытаюсь заглянуть.

Земля его в себя тянула,
Как лист осины он дрожал,
Мысль в голове едва мелькнула
И Прохор к гроту побежал.
Стальные двери с грохотом открылись,
Горели свечи на стенах,
Внутри, как ноги очутились,
Куда то и пропал весь страх...
За ним тут двери затворились
И стали каменной стеной.
Скелетов триста, что скопились,
Валялись в центре тут горой.
Похмелье -в пот,
Глаза по лошке!
Открывши рот,
Здесь замер Прошка.
С неделю парень обживался,
Мышами, крысами питался
И забывать стал вдруг, как звался,
Уже и к смерти собирался...
Но прикорнув увидел сон,
Со старцем пьет он за столом,
А тот, басистый, словно гром,
Его к иконе бьет челом
И говорит про ведьму сказ:
«Казнили тут все, что селом,
Огнем лишив зеленых глаз.

С осины кол приставить к сердцу,
Не дал старик, сказавши без прекрас,
Что в этом гроте он ее дождется
смерти,
И крикнул: " Замуруйте глиной нас!
Всех чар ее не убоявшись,
Монаха дух перед тобой сейчас.
Над ней имеет, что немного власти
И ты- преемник!» —
смолк тут бас...
Проснулся Прохор!
Подумал: Вот бы кислых щей!
Пред ним уж стол:
со щами, кашею с горохом,
Фазаны, рябчики, «зеленый змей»
И никого нет подвоха,
Бери, хватай! И жуй, и пей!
Подумал Прохор о кровати
И перед ним с лежанкой печь
О сне вдруг вспомнив,
о монахе- брате,
Решил один не может лечь
И о девице молодой и страстной,
Изрек он пламенную речь.
И вот те на! В румянах вся Дуняша,
Что пироги сует уж в печь!
Дворец затем с палатами задумал
И тут же это получил.
В леса на кабана, медведя

С одной рогатиной ходил,
Сидел на золоте и меди
И Дуни дочь благотворил.
Семь лет для всех,
как Прохор сгинул,
Беспечно парень в гроте жил,
Однажды затужил с лучиной
И горькую слезу пустил.
Исчез дворец,
И дочка, и Дуняша!
И снова в стенах четырех,
Где множество скелетов страшных...
Монаха бас вдруг с потолка:
Теперь тебе я не слуга;
Спор глупой ведьме проиграл,
Опять, ты, Прохор, прежним стал!
Я ж перед ней вчера божился,
Что в мире грота, ты забылся
И никакая, что нужда
в мир прежний не вернет тебя,
Что изучил, ну как себя,
Я в этот рай тебя ведя!»
И грота стены разомкнулись,
Тень ведьмы перед ним стоит.
От молодца все силы отвернулись,
А нечисть следовать за ней велит,
В его селе подводит к скиту,
Где прах дены его лежит...
Тут ведьма будто растворилась,

Давай вороны хохотать!
В петле, у дома на осине,
Решил с женою встречи ждать,
День встречи с ведьмой проклиная,
Дух начал быстро испускать...

Страшная сказка

В одной деревне небольшой,
Иван-Еремы сын восьмой,
Однажды клад нашел большой,
В лесу под старую сосной
И короб энтого добра,
В сарае спрятал он сперва,
Потом в поленья перепрятал
И раструбил всем, что богатый.
Не ест он сутки и не пьет,
Сидит и короб стережет.
Сидел неделю, может две
И наяву ли, толь во сне...
Явиться надо
перед ним сове!
Поклон отвесив всей семье,
Шепнула на ухо Ванюше:
«Ведь это не твое! Послушай!
Пока со златом бьёшь баклуши,
Твое, колдунья, сердце сушит!
В пещере старой за рекою,
Того уж ждет,
от глаз людских изгоя,
От клада, что с ума сойдет
И душу смерти на погибель,

сам к ней так скоро приведет»
Но Ванька лишь перекрестился:
«Скажи, старухе, не боимся!
И если, ведьмы ты-слуга,
за золотом моим явился!
То не расстанусь никогда!
Не в нищете я жить родился!» —
И так он сильно взбеленился,
Что птах учить его явился,
За камень быстро ухватился
И в птицу кинуть изловчился!
Тут черный дым пред ним
явился
В одеждах длинных вдруг монах,
в траве высокой покатился,
что птицей гордую- орел,
В высоком небе растворился!
Иван затылок свой потерял.
И сильно чуду удивился,
Подумав к брату побежал,
В деревне что за мудрость чтился.
Поведав все, как на духу,
Свою за жадность извинился
Сказал: Я б брат, с тобою б поделился,
Совета только мне, ты, дай,
Кошмар какой б в деревню б не явился!
И молвил брат: Делишки плохи!
Видать у ведьмы той,
предсмертные уж вздохи...

И нужен славный парень ей,
Продлить чуть жизни крохи.
И про монаха я слышал,
Сошел с ума от злата,
Лет пять потом у ведьмы жил,
На лет на сто дал бабке сил,
Совсем ее омолодил,
Да вот на небо угодил...
Тебя монах предупредил!
Все заколдовано твое богатство,
И прикоснувшись,
каждый так с ума сходил,
Пред тем как перед ведьмою являться,
В церковных записях так если полистать,
За век штук двадцать мужиков-
с твоим что кладом,
может и набраться!
Все, как один в сырой земле лежат,
кто с золотом сей бабки
мог бы знаться!»
Решив Иван, что надо темноты дожидаться,
Собрался парень в лес,
чтоб с кладом быстренько расстаться.
И вот луна взошла на небе!
Схвативши короб неpotребен,
К сосне Ванюша побежал,
От страха, что дрожал
И вдруг ребенка крики,
он у болота услышал...

Свое куда попало бросив злато,
Уже на помощь поспешал,
Но дуба на ветвях русалку,
Что горько плачет увидал:
«Чего ревёшь бесстыжее отродье,
Болото что ли мелковато вроде!»
В ответ русалка говорит:
«Что ж молодец, что как змея шипит,
От счастья своего бежит!
Вернуть клад ведьме, что спешит
И весь, как лист осиновый дрожит...
Я знаешь не русалка-я!
Была бы у меня семья!
За женихом пустилась вслед,
Что клад доставил много бед.
Колдунья старая чертей нагнала,
Топить меня вся свора стала.
И чья то в ярости рука-
брошь с сарафана мне сорвала!
А брошь волшебная была,
От злобных сил оберегала!
Ах, как бы вновь со мной была...
Опять бы девушкою стала!»
И сын Еремы закричал:
А не такая ли большая,
Что с малахитовой змеей,
В звезде Давидовой,
что свет так излучает,
Ажурный корпус золотой,

корону, что напоминает!»
Русалка лишь в ответ кивнула,
Уже Ивашка ускакал...
В густой траве рука искала,
Что с коробочка растерял.
И шли томительно минуты,
В мыслях бродили разны смуты,
Пока в руках рубин не засверкал,
На всю Вселенную тут крикнул,
Иван русалке: Отыскал!,
Но в шерсти зверя руки,
вдруг сзади черта увидал,
Что был не стар не мал
И тонким голоском сказал:
«Ванюша, это не русалки,
Ее мне хоть и тоже жалко,
Колдуньи старой – это знак
И хочешь не попасть в просак,
Отдай скорее мне,
А то тут будет жарко,
Вне короба
и без вещиц других,
Всех несомненно дорогих,
Над нашей мастью он имеет силу,
За то тебе, желанья три,
вмиг выполню я мило.
Устали ведьме мы служить,
Хотим свободными все быть!»
«Богатств несметных, в жены ы царицу и братьев всех

хочу я в счастье видеть лица» —
Изрек Иван и ну давай молиться!
А черт ему: Угомонись!
Все вскоре может сбыться!
Давай ка на меня садись,
От ведьмы срочно в Питер-град
нам нужно срочно смыться!»
Его послушавши Иван на спину взгромоздился
И стукнув черта по бокам,
с ним в небо воспарился!
И быстро к ведьме черт примчал,
Пред нею повинился
И молвил, что доверчивый дурак,
Давно на этот свет родился.
И ведьме отдал тайный знак,
В тумане растворился.
Иван на самого себя,
Изрядно сильно злился!
Что понимать добро и зло,
Совсем не научился.
И жил лишь мыслью богатым
стать,
Лежит что плохо сразу брать,
От страха сразу излечился
И ведьме что то резкое сказать
совсем не поленился.
Утих! Уснул!
И сон ему – прекрасный вроде снился!
А утром так колдунья говорит:

«Коль тяготит тебя, твой нищий вид,
Тебе я завещаю злато
И в мире будешь этим, ты, богатый!
Моим тогда распорядишься знаком,
В последний путь лишь проводи.,
Укрывши черным полотном,
Вступивши с Демоном в большую драку.
Меня, Иван, ты можешь не любить,
В постель со мною не ложиться,
Но разреши до смерти – день,
Мне девой красной пред тобою
появиться!»

Иван в ответ и молвить не успел,
Как бабка старая то ль зелье
стала, то ли мел..

И юною красавицей вдруг стала,
К себе, чем лишь могла
в шелках располагала.

И парня быстро соблазнив,
Приличья все же сохранив,
Ему на грудь тихонечко упала
И ласки от Ивана ждалА.

А одурманенный Иван,
в охотку взял девицу,
Вспохнула та, что в небеса,
чудесной сойкой- птицей.
Богатство, бабы- вот беда,
для мужиков отрада!

Колдунья тут же умереть была

конечно рада,

На свет родив в тот миг дитя,
Что зла напишет новы главы..
Из птицы в бабушки скелет,
Ивану не успев сказать: «Привет!»
Колдунья рахнула из камня в гробик
И обомлев Ивашка- богатырь,
слегка успел наморщить лобик,
Когда из птички, из яйца,
Взгляд, ледящий все сердца,
Увидел мельком Василиска,
Шипевшего, как киска,
Большую жабу с мордой петуха,
Что в камень тело обращает,
патроха,
С хвостом змеи, неистойвой,
гремучей,
Что силой злобную могучей,
С крылами мыши- " ушана»,
То ль диадема, то ль рога,
У зверя вместо гребня
И кровью светятся глаза,
Из коих красная слеза-
Души его, что откровенья!
Огромной ящерики- когтисты лапы
И хохолок за диадемой той,

Наверно просто вместо шляпы!
Иван тут с жизнью попрощался,
Уже ведь в камень превращался...
Совы знакомой вдруг слова:
«Пусть взглянет в зеркало мое сперва!»
И смотрит в лапах этой птицы,
Его спасенья, может жрицы,
Большого зеркала кусок,
Как тряпка красную или платок,
Зверь вырвать у совы стремиться.
Один неосторожный миг
И в этом зеркале «урода» лик,
Успел случайно отразиться,
И в камень» нежити», уже, что стих-
Предрешено в минуту обратиться.
И из совы,
вернувшись в облик свой монах,
Лечил Ванюши дикий страх.
Вокруг него круг мелом очертивши,
Стоял усталый и поникший.
В пещере грохот раздался,
«Кол ведьме в сердце вбить-
твоя стезя» —
Сказал монах, вес свет любя,
Серьезно, вовсе не шутя
И кол осиновый вдруг Ваньке протянул,
Его из круга подтолкнул,
Сам меч с – за пояса достал
И крикнул: Где ты, тьмы вассал!

Швыряя камни Демон разъяренный,
До этого непокоренный,
Вступил с монахом в смертный бой,
С кричавшим сильно: «Нечисть стой!»
Из пасти Демона, боясь огня
Мечом молитвы в воздухе
писал слова,
Другой рукою крест держа,
Бубнил заклятие спеша
И взглядом Ваньку торопил,
Что в камнепаде из последних
сил,
Неспешно к гробу пробирался!
И как тому всего один остался шаг,
Тут Демон в шерсти зверя заметался!
«Хитер монах!» – он вслух признался
И в бой вступить уж с Ванькой попытался.
Из круга выбежав монах,
с мечом за Демоном погнался,
Но крест на камни уронив,
замешкался и растерялся...
И когти длинные вонзив- в монаха шею, Демон
рассмеялся!
Но кол колдунье в сердце вбит!
Мохнатой лапою грозя-
Князь тьмы немедленно убрался...
И смотрит Ванька не монах,
дед Карачун с него вмиг стался!
Когтями Демона в дух обращённый,

Хоть с Богом был на» ты»
и в общем то крещённый,
Нашел ход в камне потаённый
И вмиг исчез, злом покоренный.
С пещеры вышел Ванька- победитель,
Там черт сидит, победы зритель!
И нежно, сладко говорит:
«За мной, твои, как помнишь три желанья!
Томительны ведь славы ожиданья
Давай на горб скорей садись
И к славе этой понеслись!!!
В столицу,
в белые палаты!
Вина и злата, где богато!
Где ждет тебя царева дочь,
С которой все печали прочь!»
«Мне б медовухи чарку, брат! —
Сказал Иван: " Был б я богат!
Чегонибудь на закуску
и блудницу,
Не надо на которой мне жениться!»
Ответил черт: «Загаданному сбыться!
И три желанья сотворив,
Вдруг поспешил, с огромной брошью ведьмы, удалиться.
Нет-нет, не что ему не снится:
Хмельное, разная еда,
Дуняша- вовсе не девица,
С которой с августа и по октябрь,
В пещере той Иван резвиться!

С которой мог вообще забыться,
Коли не первый снег вокруг.
От всех утех очнулся хлопец
И тут дары исчезли вдруг.
Не медовухи, не Дуняши,
не разных вкусных всяких явств,
Снега! Снега- одни в безмолвье,
В сугробах коих он завяз
И замерзал, своим желаньям вольный,
Что голюю был и голюю стал.
Уж не кричал!
От злобы матерился!!!
Немедля карачун явился
И добрый некогда монах,
Что духом злым в пещере обратился,
Глаза бедняге и закрыл,
Лишив его последних сил
И в мир иной с собою утащил,
В котором собственно и жил.
Пусть этот сказ вам и не мил,
В деревне той, умам служил,
Чтобы нечистое добро,
К себе руками не гребло,
Где страх и водка лишь советчик,
Что наказание найдет,
не важно будет, кто ответчик...
С тех пор и всадник в мантии,
тот что в лесах гуляет
Из ада силу на таких,

что сразу направляет!

Московские страницы. Ванда

Историй всяких милых и пикантных,
Таит старинная Москва.
С времен дворцов, господ галантных
И эта все еще жива.
России муж и в войнах победитель,
Что друг Балкан и турок покоритель,
Что в авангарде на коне был воин храбрый, а не зритель,
Огромной Азии - гроза и многих судеб повелитель,
Усы, как царь, носивший генерал-
Отчизны доблести хранитель,
А русский дух-его учитель
И в государстве многих дел прямой
участник,
От бед Отчизны избавитель
Что на жену, имевший гнев,
В Москву приехал Скобелев.
И с нужными людьми ведя беседы,
Над императором готовил он победу.
Его желал арестовать,
законов новых свод принять,
А там, как дело повернется,
В уздечке Бисмарка держать,
Европе, чтоб не полыхать.
Толстенну папочку он другу

,успевший скоро передать,
К барону Розену награду
 пошел публично получать,
Затем в гостиницу, что рядом
 побрел довольный отдыхать.
В Столешниках ходила слава!
Любило это место знать,
Умела Ванда, где в покоях клиентов всяких уболажать...
В объятьях немки-проститутки
Издад он свой последний вздох...
Потом уж был переполох
И версий разных была тьма!
У друга документы все исчезли,
А эта смерть-красивая судьба!
Года текли и шли столетья,
Войн не одной промчались лихолетья
И по иронии судьбы на месте точно том, заметьте,
В ЦК решений новых в свете,
Другая Ванда здесь пустила сети.
Товаров женских польский магазин-
Сердца. москвичек тут же поразил.
Колготы, тушь, духи, помада-
Для красоты-еще что надо?
За ароматами"Быть может» и сладким терпким «Может
быть»,
Карандашом для глаз, ресниц,
Джинсой, бельем различным-
В толпе, в привычку было здесь давиться,
Из быта братьев заграничных.

Но если, кто стоять весь день
за чем то вдруг и залениться,
То у Раевских в флигельке-за цену втрое, поспешат
расжится,
Стоял, где дамский туалет красивый и приличный.
Сюда за «вандовским» всем шли к барыгам всем
различным,
Цыганкам, в юбочках форце и теткам нетипичном,
С ментами, что вступали в стычки.
А в 90ые года-вдруг рынка выросла стена,
Торговля с рук, тут чем попало,
до самой ночи темной шла.
Костры горели от коробок,
В наперстки страстная игра,
Но выручали все ж «торжища»,
Когда в разруху шла страна.
Тогда то Ванда и убралась с мест этих вроде навсегда,
Еще оставшись правда на Полянке,
Блудливой жизнью жила,
На Ленинском к себе манила,
Но уж была и не жива...
Увяла дефицитов сила,
Но это ж было! Было! Было!
Столешников! И года нового весна!
Меркурий! Свежее дыханье!
Девица Ванда, что красна еще сидит в моем сознанье.
Петровки угол! Красота!
Историй новых ожиданье...

Московские страницы.

Дама в белом

На Якиманке на Большой,
Сроднилась, что с Игумнова судьбой,
Кипела жизнь и здесь был при горой,
Где Николай-промышленник,
Свою, что жизнь считал игрой,
Среди богатых, бедных свой,
От Бога -ум, считал судьбой,
Не знавший в роскоши покой
Свои богатства, словно гной,
Он из фурункула давил
И всем поклонникам дарил...
Слов нет, чудил!
И слепо женщин всех любил.
Для них, не их мужей усатых,
Однажды праздник учредил
И в зале пол монетой царской,
замест паркета настелил.
Запели скрипки, клавесин огромный,
Босой Игумнов тут на монеты лик ступил,
И за Руси хранителей-род славный,
За всех Романовых вдруг тост провозгласил!
Вино -рекой! По злату -босы ножки,
Цыган тут кто то пригласил с живым медведем,

бубном и гармошкой
Потом гостям подали дичь с картошкой...
И снова танцы, пьяный смех,
Вдруг канделябра звонкое паденье,
Из спальни за иконой громкий голос: Грех!
И общее оцепененье!
Всего прошел один лишь день,
Но вся Москва смотрела уж с презрением,
На знатный «якиманский» дом,
И на хозяина, в угаре пьяном помраченья...
Который так кричал в окно,
напротив в вишню тыча пальцем:
Ты изменяла мне давно! Да я считал себя страдальцем!
Но слышишь, слышишь все равно!
Твои я помню и глаза, и пальца!
Уже потом чрез много лет,
нашли в подвале дома пяльца
И в подворотнях на Ордынке услышав сказ безвестного
скитальца,
Был проклят Коли дом
И родилась легенда-
Игумнов был холостяком отменным,
Но жил с любовницей отменно,
Была хоть благороднейших кровей,
К искусству тягу заимела,
За вышиванием крестом светилась в счастье, тихо пела,
К Игумнову любовь перекипела
И на одном в честь праздников балов,
Драгуну юному вдруг на колено села...

И в поцелуе их слились уста,
Недолга была связь пуста,
Как только кровью налилися-ее хозяина глаза...
Рабу свою он в спальню завлекая,
Твердил: Люблю! Люблю! И таю!
Гостей своих скорее проводил,
К ней сонной подошел тихонько,
В прошедшем тихо вымолвил: Любил!
И две атласные подушки рукою сильной положил,
И целый час душил! Душил!
Потом сказав девицу в Вятку,
а то ли в Гжатск он проводил,
В стене местечко он искусно за сутки где то смастерил,
Проем потом заштукатурив,
Иконкой набожно закрыл,
Так дале жил...
Пока не стала дама в белом убийце за полночь являться
И в ад звала с ней забавляться,
Однако в доме пресекала грех
И не любила громкий смех,
И после бала на монетах,
Гуляя рядом до рассвета,
Смерть предрекала, тем чья песня спета,
И нищим попадаясь на глаза-
деньжат немного, исцеления несла,

Освоив призраком немного
от юродивых спасенья ремесла,
И в сказах многих тех времен жива,

В дни наши это девица-краса бывает
все еще смела-послать кому нибудь тепла,

Ее заблудшая душа делами светлыми полна,
От Якиманки и до трех Вокзалов,
То тут, то там идет молва,
С времен далеких тайная стезя,
О коей знает матушка-Москва

Московские страницы. Жужу

Любви историй и преданий
в себе хранит старинная Москва,
Не каждый сути в деле знает,
но как река течет молва
И что не надо каждый вспоминает,
в веках легенда чтоб жила,
Француженки и этой имя-
(О, Бог, ты мой, что так мила!),
В рассказах время сохранило,
Любви ее особая судьба,
За коей в злачном месте смерть бродила
И неудача стерегла.
Кузнецкий мост. Домов игорных-
скопление,
Где, как на ветру,
Спустить все состоянье можно...
В один лишь миг!
Не пожелаешь, что врагу!
Была моделью в Доме моды,
корней французских-девица Жужу.
Красива, статна, много света-
В прекрасном возрасте расцвета...
О! Сколь мужчин разбились тут сердца!
Ведь одному,

Лишь одному на свете была послушна и верна!
Морозов Савва, вам не безызвестный,
Не называл её невестой,
Шикуя с ней любовь крутил,
Набравшись наглости и сил,
Пред всей Москвы честным народом-
Для сердца дамою провозгласил,
И вожжи к боле милой-
 все это время воротил.
Она ж в лучах его купаясь славы,
Жизнь безупречную вела
И из какой то старой мелодрамы-
 Несчастья вдруг все на себя взяла.
Стекло в туфлях, подпиленный каблук-
 своей неловкостью считала вдруг,
С небес ей посланным проклятьем,
Увы, не кознями подруг...
Что тихим вечером пугали-
 рассказами про смерти слуг,
От коих спрятаться едва ли,
 коль в сердце угрызенья мук.
В каретах серых их повсюду-
 хлыстов, как чертов хвост,
Услышишь звук!
И тихий голос без эмоций: Домой!
Домчу, мой друг!
И лишь подумавший о смерти,
 все проигравший маргинал,
В карету эту садился...

Его никто уж не видал!
Жужу себе же говорила:
Любить!?! А разве это срам?
Ведь я люблю и им любима,
Но у него другая... —
Хлам!

Все пустота, коль чувства светлы,
Друг дружке бьются в такт сердца.
Великовозрастные дети,
Нам хорошо и без венца!

Быть может грех! Но как несправедливо...
Не жить мне без его лица!...

Потом, та мимолетна встреча
И глас гусара-подлеца,
Что платье белое обрызгал,
Своей мочой свиньи и наглеца,
Каблук, что попросту согнулся,
О помощи истошный крик
И хаму смерти пожеланье,
Его в карете серой крик...
С Мясницкой дед к ней подошедший,
Безумный, что еврей-старик,
О деньгах, что сгоревших говоривший,
А в полдень с Саввой расстованья миг,
И целый год в душе пожары,
Хоть в монастырь ей на постриг,
Молитвы, слезы, ожидания
И у колдуньи приворот...
С ума сойти! К чертям ее старанья!

В карьере если бы не поворот...
Пред самой важною особой,
Показ готовить ей всех мод.
У дома прыгнувши в карету:
Моделей дом! -сказавши вдруг,
Арбата мимо, что пристанище поэтов,
На мост Кузнецкий лошадь понесла,
На улицу французами спасенной,
Когда пожаров власть была.
И у игорного большого дома,
Газетчика-мальчишки крик:
Морозов Савва в Нище сник!
 Один трагедии сей миг!
В душе Жужу не стон, а крик...
И на ходу покинувши карету,
 уже в руках державшая монету,
На месте том, там, где гусар развязный,
Ее проклятий много слышал разных,
Что севши в серую карету от боли в сердце занемог,
Кузнецкий крик его предсмертный слышал
И в небеса его забрал тут Бог!
Нога девицы подвернулась...
Затор возник из экипажей трех!
В испуге лошадь на дыбы полезла,
Жужу глаза свои закрывши,
Тяжелый вдруг издала вздох...
И экипаж четвертый быстрый красавицу сваливши с ног,
До ею проклятого хама в сей миг отправиться помог...
А вечером того же дня газетчика-мальчишку без

дыханья,
Себе городской повысив званье,
Агенства возле вдруг модельного нашел,
Чулком Жужу мучительно задушенным,
Что к выводу лишь одному пришел:»
Прости, Всевышний, мистика какая!
Модели дух жить не желает в рае!»
Не знаю правда ли или нет,
По день сегодняшней здесь видят дамы в белом свет,
С любимыми сулит что расстаиванья
И знака нет печальней, чем она,
Москвы твердят правдивые преданья!
Плывет лебедушкой, парит,
Над тротуаром на Кузнецком,
За полночь, этака краса,
В любви вещая тут измены вечность,
И говорит, она ведь не игра!
Любовь не терпит фальши и беспечность...
Кому о смерти скажет в лоб,
 кому то о его болезнях,
Летящая, как по волнам,
Меж двух миров по острым граням лезвий.
Старик Кусовников след в след идя за вами бедность
предрекает,
Всяк на Мясницкой вдруг заметивший его,
С карманов деньги сами тают
И в наши новы времена-
Исторьи-сказки былью обрастают

Новые легенды Даниловской мануфактуры

Московский бомж, искусственный плотник,
Когда то классный гробовщик,
Делам не божьим стал угодник
На зонах лет пятнадцать гнил
И старым выйдя на свободу-
Себе вдруг стал совсем не мил,
Москвы-одной он горду волю
С бутылкой водки вместе чтит.
В своих владеньях на Варшавке-
Стрелял он мелочь по утрам,
Платформе Зил читал дед сказки
И Корна вечно прославлял.
А ночью же в Мануфактурах
покой с комфортом все искал
И в водах речки знаменитой
звезд отражения считал...
Так годы до сырой могилы тихого тише прозябал.
Но вот однажды куш сорвавши
бутылки три он водки взял
И пирожком из «Перекрестка», с веселой песней,
зажевал,
Колдунье осени вдруг удивился
И черта тут же увидал.

А, ну, проваливай, бомжара! -охранник рядом
прокричал,

А бомж себя за грязны кудри легонько очень потрепал
Себе лишь, еле-еле слышно, губами только прошептал:
Эх, мать твою от этой жизни не все, что надо, грешный
брал,

Не надо! Фауста читал!...

Свою бы душу я за все за эти штуки, лукавый, тоже бы
загнал...

А черт, как вроде улыбнулся

И вмиг бумаги протянул,

К бомжу вдруг задом повернулся,

Издавши то ли рык, толь гул

И молвил на своем зверином:

А не пропил, ты дед, свой ум!

Я знаешь даже слышу твоей же славы сильный шум!

Все будет-молодость, достаток,

Любовь и просто баловство...

Но все в секунду ведь исчезнет,

Коль скажешь где то слово: Все!

То знак мне будет-получил сполна,

Москвы-реки поднимется волна

И в ад опустится душа...

Умрешь, дед-тихо, не спеша,

Быть может наконец познавши, что жизнь людская
хороша...

А может все испортит капля фальши,

И скажешь, ты, не дашь мне даже и гроша,

За то, что лесь и ложь, неправда-

затмили трезвые глаза.

Лицом черт к деду повернулся, за плечи обнял и заржал:

Во всем мне только повинуйся!

Час поздний! Через час гроза!

Смотри в глаза, нетрезвый смертный,

Тебя ждет счастья полоса,

Второго я теперь не слушай, из совести с слезами,
голоса...

Ешь пирожок, счастливчем, что надкушен

И не болит пусть боле голова!

На документ наш опусти глазенки,

Прочти условия, права...

Для пальца среднего иголка...

Немного крови, роспись,

все дела...

Запомни, брат, я буду рядом,

Мне не помеха здания-стена,

С минуты этой пошла вся в счастье-игра!

И палец быстро уколوصи божж документы подписал,

Рогатый друг в сей миг исчезнув,

Листки с собой в свой мир забрал.

А божж тут вспомнил, что он Коля

И по отцу-он Николай,

Допив всю водку толь от счастья, то ль от горя к Москва-
реке тут зашагал,

Увидев в водах отраженье-свое..

Он тут же онемел.

Лет двадцать может быть красавцу,

Что рожей нагл и очень смел,

В плаще сверхмолном от Версачи и дорогие башмаки,
Ах, явно черт перестарался! -его чесались кулаки...

Но возглас чей то: Помогите! —

Красавца Колю отрезвил...

А вот гляжу и приключенья! -продавший душу тут
связвил

И к «Вольво» к кабаку помчался,

В салоне, где его во тьме,

Сын сукин с другом девкой занимался,

А та кричала будто не в себе...

Пошива местный бизнесмен,

Что не терпел девиц отказа,

В машине пташке поздней-господин,

Творил бесчинство с ней, зараза.

Открывши дверцу, озверел Колян

И вытянув носильника за шкурку,

Второму кадру просто по мордам-

Он надавал и крикнул:

Мужики, плаща от крови вашей,

кто оплатит стирку?

И даме руку нежненько подав,

Добавил: Ну, адью, ребята,

Быть может встретимся еще,

Планета наша кругловата.

Преображенный из бомжей

И просто Анна-проститутка,

Неподалеку -дорогой отель...

И их любовь, что длится вот уж сутки,

Полны карманы долларов и евро,

Без счета-русские рубли,
Они в раю быть может и наверно...
Нет прошлого, что было скверно,
А будет что, то им до фонаря,
Любовь, что так пришла мгновенна,
Забрала их и крыши им снесла...
Монастыря близ, в хлопковой слободке,
Что создал сам Мещеряков,
Ушедшим двум, ушедшим от себя
Для счастья не надо водки,
Они пьяны, пьяны любя
И номер их, как люк в подводной лодке...
Им наплевать на мир, что наверху,
На листопад, на дождь, на грозы,
В сердцах их множество тепла,
Отсек любви их-мира здесь серьезен...
На сутки третьи все оборвалось...
И в дверь отеля постучали...
Полиция!
Ну вроде все! -сказал Колян
И голубки, как мыши замолчали...
Накинув платье Анна обомлела,
В кровати старый бомж хрипел,
Прощенья, что просил у Бога, за то, что сделать
не сумел...
Потом он к черту обращался, и то ли плакал, то ль орал:
Эх, обманул меня, лукавый,
Да я и сам не устоял!
Свою любовь не только встретил,

Но у ребяток чемодан забрал,
В котором денег было столько,
Что в жизни всей и не видал...
Вино, любовь и ананасы...
И с Анной планы лет на сто,
Скакал на радужном Пегасе,
Вокруг кружило воронье...
И вместо карты козырной,
Туз потянул я воровской...
Тут захрипел Колян внезапно
И пену выдал изо рта,
Видать душа в ад устремилась,
Бунтуя, в свет тот отошла.
А за окном черт улыбался и тихо Аннушку манил,
Тут опер нервный двери вскрыл
И только прокричал: Ах, сука!
В окно с шестого этажа Аниюты яростный прыжок,
Об землю тела мент не слышал стука,
Что над бомжем открывши рот стоял и выдавить с себя
не мог не звука...
Тут можно б было ставить точку,
Москвы ж реки тут поднялась волна
И голос ветра, сзади или сбоку:
Хранит предание-народная молва,
При Корне тут была такая же забота,
С собой, что унесла река...
Ткачиха Аннушка, с мануфактуры,
Бывают бабы, правда дуры,
Влюбилась в местного вора,

Зимой, что снежной фабрики на входе,
Ее подрезал кАрмАна,
Без денег правда не оставил,
Но вот до смерти напугал,
Затем же извиниться вздумал
И всюду девушку искал,
На Тульской лавку ювелира,
Он ранним утром как то взял
И вдруг ямщик, ее как домогался,
Одним глазком тут увидал.
И девку выдернув с повозки,
Повел прощения просить,
Так и случилось-вора ткачихе полюбить,
Любовь неделю то и длилась,
Убили вора за дела,
Анюта Корну повинилась,
Носивши в животе дитя,
А по весне пошла и утопилась,
Оставив все подарочки из зла,
С той самой лавки ювелирной,
Что была послана судьбой,
Таким с Варшавки был наш вор-романтик,
Что вроде был и не герой,
На месте том, где ныне «Перекресток» —
сети торговой магазин,
Рыдала Анна, расти, что будет сын один,
Напротив, пристань где топилась,
Где и невинность отдала-
О чем давно уже забыла старушка милая Москва,

Вам не скажу история здесь с чертом была?
И новый Фауст действие ли дал,
Но вот скажу-Москвы преданье мило,
Спиной к реке, лицом же к «Перекрестку» молитву
«Отче наше» прочитать
И вам любви прекрасной, нежной-
всем в силах Бог с небес послать,
Наоборот здесь если встать и так де эти «Отче наши»
все так же трижды прочитать, то рядом с вами тот, кто
не хотите —
Не будет боле пребывать.
Здесь место истинно святое,
Мещеряков его святил,
Помещик славный он и видный,
Что с церковью русскою дружил,
А черт, что рядом, то наследье-
Болотникова грубых сил,
Добро и зло, что держит в равновесье здесь всем
известный рядом монастырь
И Хлопковой Москвы слободке дает здесь жить
немало сил.
Порой здесь происходят сказки,
Порой творятся черные дела,
Любовь здесь-просто к человеку
Жила в том месте и жива...
И про Коляна мой рассказ печальный-легенда с уст самих
бомжей,
Что душу продавши нечаяно,
Сны видят про лоханку шей.

С платформы Зил и у причала-легенда новая жива,
Ее не знают где начало
И Аннушки ли встретится душа-
С Коляном молодым, бомжем ли старым,
Иль в свете том разлучат навсегда
Но у Даниловской мануфактуры, иные, брат, сейчас
дела...
Не забывай про Перекресток,
Узнать легенда ли права,
Молись, молись, молись и помни-
Любовь на свете лишь права

Московские страницы. Знаки зодиака

Не сразу строилась Москва,
Не все в её обличье просто,
Где много мистики и волшебства,
Еще с времен языческих погостов.
Что ныне Боровицкий холм,
 то звалось Ведьминой горою.
Лес первозданный, сосен -дом,
Язычники своею звали, что судьбой.
И на тенистой на поляне,
Где капище раскинулось вокруг,
Глубокой древности селяне
От духов злых тут очертили круг.
Несли дары ведунье старой,
Не знать им горя, чтоб и мук.
Волшбу творила ручкой малой,
Сосны ломая длинный сук,
Животным всяким кровь пуская
И издавая грозный звук,
Огромных птиц взлетала стая,
Великой ведьмы свита слуг.
И просьба в небо улетала,
Ко всем их множеству богов,
Огонь старуха расжигала

И погружалась в царство снов.
Очнувшись каждому вещала
И пила свежую животных кровь.
Земля пред нею трепещала,
Враги боялись гневных слов.
Все наперед та жрица знала
Деля добычу и давая кров,
С недоброй мыслью
 к ней пришедших проклинала,
Подруга леса и ветров-
Гостям названным так отпор давала,
Без всяких вил и батаков,
,Гордыня, неприступность и бровада-
 такая об отшельниках ходила слава,
А место это называлось по праву,
Горою ведьминой, потом Москвы что центром стало.
И род язычников тех бравых,
Сгибаться коим не престало,
Незнамо сколько лет блистало,
Примерно где вождей стена,
Хранит история в могильниках немало,
Куда и Долгорукова вдруг привела стезя,
И солнце в кронах елей голубых блистало,
Дух колдовской сей диких мест,
Ему пришедшийся по нраву,
Страшил в реке живущий бес,
Но герб свой здесь он развернул,
Горы вдруг ведьминой целуя траву
Принцессы Гиты-славный сын,

На этом месте Кремль поставил,
Московским князем номер став один,
В единстве Русь Великую восславил.
У стен Кремля особый дух,
Энергетическая воля,
Про Грозного все ходит слух,
В палатах здесь испытывал он боли.
Великий Петр знавал недомаганья,
Тому и центр на Неву имел скорей перенести старанье,
Однако в благо обративши знанья,
Застройку вел по Брюса испытаньям.
Тот чернокнижник внял царю все златоголовой
сокровенны тайны
И план застроек учредил, согласно звездам гениальный
Его расчеты не случайны,
Знал толк в делах он аномальных.
По секторам, согласно знакам зодиака
И по планетам Солнца всем домам,
,Чтоб развивалась профессия бы всяка,
Рукой кварталы начертал ремесленным и господам.
За центр маг Кремля постройки приИняв,
Немного негативчика убрал,
Энергии, из древних капищ, силу своим здесь
заклинанием уняв,
На доброе её направил, чтоб город весь ей силу знал.
По мнению походов многих генерала
И знатока почти всех языков,
Та силища Москву питала,
Течя из всех Кремля углов.

Асс артиллерии, птенец «гнезда Петрова»,
Шотландского из знати рода,,
Идея чья, что была вечна нова,
В Москве был нечто вроде Бога.
Великий воин и алхимик,
Изобретатель кукл живых,
Создатель вечной жизни эликсира,
 в улыбке, чей светился лик.
На флоте флага учредитель,
Он литератор и учитель
И агроном и астроном,
людей пугавший механической на Сухаревке птицей
Где в башне графа был и дом,
Себя зачем то протыкал железной спицей-
Но боль ему любая непочем.
России нашей Каллиостро,
Всегда он с книгою вдвоем,
Пытливый взгляд имевший острый
Часы повесивший-фантом,
На всем известных на воротах Красных
И вечными назвав потом,
Москву назвал серьезной женщиной прекрасной
 и думаю правдиво, не напрасно.
Столица же потом цариц боготворила,
Мужчин Романовых её от славы уносило,
Лишь Александру первому она казалась мила,,
Так может потому -Освободителя родилась сила,
России, что расправив крыла,
Врагов всех с горизонта смыла...

Да было время,
время было!

В эпоху Сталина ампира,
Учение о знаках всплыло,
Красы метро бы не было бы пира,
,Коль зодиаков ряд в умах наука наша бы не чтила.
Двенадцать станций на кольце-
Все та же схема, все того же Брюса
И в точности районы те,
Как намечал кудесник черноусый.
Курская-Овен, Таганка-Телец,,
Мудрости предков будь здесь, как чтец,
Рак на Добрынинской,
На Октябрьской-Лев,
Это серьезно, а вовсе не блеф.
Весы на Киевской, на Парке-Дева,
Хранят всех души очень смело.
А Пресня Красная там Скорпион, на Белорусской же
же-Стрелец отменный,
Расположились тут не вдруг почтенно,
На слободе на Новой-Козерог,
На Комсомольской тихо дышат рыбы,
А на проспекте Мира, мой дружок,
брат Водолей своей здесь не жалеет силы,
Для полной астрологии картины.
Москвы на карте есть двенадцать округов,
И их весь смысл с времен Петра таков
Не надобно тут боле слов,
Основа это всех основ.

Энергией языческой пропитан,
Усилен аурой церквей, колоколов,
Врагам любым наш град закрытый,
Храним по Брюсу звездами со всех углов,
Георгий в нем -святой заступник,
Где власть имеет Божья Мать,
Матрона и Блаженный-путник,
Столицы-войско, наша рать!

Волынка у моря напела

По мотивам латышской легенды

Мне волынка у моря напела,
той старинной истории грусть.
И в душе как то так закипело,
Что от слез я едва и держусь,
Нужным делом решил вам поведать,
Ту историю-
Будет, что пусть.
В море синем, в палатах богатых,
Ясно-солнце, царица жила,
В жемчугах, что однажды и златах,
На песчаный, что берег пришла
И увидел ее там красавец-
Небогатого сын рыбака.
Страсть возникла в сердцах их и душах
И любовь расцвела, что крепка,
А сваты в море синее с суши...
Направляли свои паруса!
Но отец, той царицы прекрасной,
Грома с молнией-праведный бог,
Породниться, увы, с безродным!
Разве мог!
Разве мог!

И русалочье, нагло отродье,
на утеху послал жениху...
Не понравились, стервы, вот только,
Взял и обнял он только одну
И со смехом веселым парнишку утащили
русалки ко дну!
Вместе с ним и сватов честных свиту,
По которым тоскует семья,
На покой или вечные муки,
Навсегда поглотила волна.
А ряжена в платье невеста,
о проделках не зная отца,
Слезы горькие лила,
все лила
И любимого верно ждала.
От солёного стала соленой моря синего
чУдна вода,
Ничего, ничего не оставив-
От царицы большого дворца.
На кусочки распался бесследно,
Как любви память дань-янтаря,
Сын земли, моря с волнами, солнца,
знаком мира и стал, что добра,
Что у самого самого донца,
Шлет в подарок кому то судьба!
Пусть история этой легенды,
Будет помыслам чьим то урок...
Коль любовь повстречали на свете,
Вашей верности дайте зарок!

Ну, а чтобы усвоили правильно, впрок,
Вам еще вам поведаю строки,
Что творилось у парня в чумной голове
От любви к красоте синеокой:
Спотыкаясь на кочках упрямо-он
злодейке судьбе глядел прямо!
Прямо в черны глаза своей
драмы!
Шел бедняга среди темных и
топких болот-
напрямик!
Позабыв про спасения брод!
По прямой! По прямой-к ней
одной! к ней одной!
Той, руки что просил он и
сердца!
Но в тот миг небеса вдруг
закрыли любви чистой дверцы.
Хохотал сатана и смеялись
надрывисто черти!
А влюбленный твердил, на
исходе всех сил;
Посмеюсь я последним-поверьте!
Руки сжавши в кулак, отбиваясь
от бешеной смерти,
на ненужной проклятой поганой
войне-
он за пазухой локон любимой
хранил, в кровью, потом облитом

конверте!

Если с ним, волос той,,что так липнет к груди,

То не мог он не думать

о светлом-

И когда духи тьмы

окружили его

незаметно-

меч возмездия ангелом

был

принесён-

он воскликнул одно: Королева!

Вмиг судьба изменилась и стала

чиста-

всё предельно вдруг стало и

ясна-

если даже твоя коль любовь не

проста-

войн душе не готовь

понапрасну,

просто подвиг сверши-

Чистым сердцем люби, сам себя

поборов-

не ломаючи дров!

Просто сильным будь -просто

мужчиной!

И к ногам ее пав! И к ногам ее

пав-ей одно ты скажи: Королева!

И по жизни вперед-поведите

избранницу смело!

Та война-только сон, та война-
только сон, а могло быть...
могло быть иначе-коль любви бы
святой,
коль любви бы святой-мужики
все решали задачи! Королева-
любовь, Королева-
весна, Королева-голубка Удача!
Не ищите ребята, в пучине морской,
Ласк русалок, поверьте, на сдачу!
Да! Волынка у моря напела,
Всем влюбленным отменный совет,
Как рядилась до свадьбы девица
И нарушил жених, как обет,
Как случилась с русалкой измена
И померк для обоих сей свет...

Призрак Адарки

Лет кажется двадцать назад я решил погостить у своего армейского друга. Его поселок обосновался на живописном берегу батюшки Днепра, недалеко от тихого райцентра с громким названием Днепродзержинск. Название Карнауховка немного смешило меня и в то же время от него веяло какой то загадкой.

Туда-сюда между домами носились с тяжелыми баулами цыгане, скупая за гроши дары садов и огородов местных жителей, потрясая своими нарядами и гомоном мое сознание. Но привлек мое внимание один ветхий дом в самом центре поселка, возле железной дороги, а не цыганский колорит.

Даже днем вглядываясь в окна жилого дома и полное запустение двора, при радостном свете палящего августовского солнца на чистом небе без единого облачка, казалось, что именно над этой мазанкой сейчас возникнут грозовые облака и сверкнут молния..

О-о! -протяжно сказал мой друг-«Смотрю и на тебя, как приезжего бабка Адарка свой глаз положила». Потом он рассмеялся. дьявольским смехом, а вечером за столом поведал историю этой местной достопримечательности.

Некогда во времена последнего русского императора явились в это село казаки и ничего никому не объясняя принялись возводить дом. Строили не быстро, но когда было

все готово промчалась по ухабам овражистой местности кибитка из которой вышел казачий атаман, цыгане и девушка-красавица. Новоселье этой самой девицы спрвляли долго и шумно и не один месяц. А когда первый снег лег на землю казаки ушли и больше их тут никто никогда не видел. Девушка же для которой было все это пиршество осталась и пошла о ней нехорошая молва. Дескать на кого из мужиков глянет так не видать ему счастья в семье.

Шли шальные годы. То революция, то гражданка, что стороной обходили это место, а то священная война с кровавыми боями у берегов великой реки.

Некогда красавица глухонемая и колдунья по совместительству превратилась в дряхлую старуху, которую сельчане прозвали Адаркой.

И вот однажды в тот счастливый год, когда погнали немца с украинской земли именно в ее дом принесли красноармейцы тяжело раненого бойца. И что вы думаете! Она его с того света за месяц воскресила!

И вместо того, чтоб ей в ноги поклониться боей этот бумагу написал в органы. Дескать личность бабки весьма странная.

Ох, какое только начальство на черных воронках не подъезжало к этой. халупе и куда ее только не таскали... А потом все затихло... И забыли все про это! Но вот те раз! Летом пятьдесят третьего участковый нашел в этом самом доме старушечье тело, что провисело в петле не менее полугода...

В шестидесятых домик этот облюбовал один художник из Днепропетровска. Но прожил там недолго, угарел по пьяне от печки.

А потом вселился ревнивый Федор с женой. Драки, скандалы, самогонку... Сначала жену свою зарубил приревновав к соседу А потом и сам повесился.

Долгое время дом пустовал и его все стороной обходили. Однажды в восьмидесятые цыгане его оккупировали, да недели не прожили. Ночью из дома повыскакивали и что то про нечистую силу кричали...

После уже, как дачу на летний период какой то москвич купил с множеством маленьких детей. В первый год приехал, огород засадил и теща его не отчего тут умерла. На следующий год приехал-дочурке его маленькой плохо стало и Богу душу отдала до приезда скорой... Теперь там дед Михей живет, рак у него... Вот он и чтоб быстрее в мир иной податься и поселился. Врачи то от него отказались... А он живет! Видать Адарка не всех за собой туда тащит, а кому то помогает. Люди поговаривают, а Михей тот подтверждает, что ночью в этом доме раздаются тяжелые шаги и цепи железные гремят...»

Я не знаю почему тогда захмелевшего от браги потянуло проверить достоверность повествования друга. Слегка пошатываясь я долго брел по плохо освещенной улице, спотыкаясь на кочках, а армейский дружок все стоял на крыльце своего дома и орал какие то проклятия, будоража окрестных

собак.

Ноги хоть и плохо слушались, но все же привели меня к этому проклятому дому. Хозяин спал внутри и через открытую форточку его окна доносился его дикий храп.

Я схватил лестницу, что валялась в зарослях репейника недалеко от крыльца и приставил ее к чердачному отверстию. Замка не было и я легко проник внутрь. Освещая себе путь зажигалкой то и дело натываясь на столетний хлам от бывших обитателей где то посередине чердачного помещения мое внимание привлекло огромное распятие, вырезанное из дерева. Мои руки потянулись к нему, но что то холодное коснулось моей спины и женский голос прошептал над ухом: " Между мною и тобою белый свет!" Сердце заколотилось, мне стало скверно. Мое тело размякло и подобно тающему воску стекало на пол на то самое распятие. Где то возле моих ног раздался звук удара друг об друга железных тяжелых цепей.

Сознание покинуло меня, а тело летело куда то ввысь.

В себя я пришел от крика петуха и лая собак, а так же бранных слов еще не протрезвевшего за ночь друга..

Спустившись без посторонней помощи возгласом: «Оставить шум, рядовой!, я урезонил пришедшего ко мне на помощь спасителя я поздоровался с хозяином дома и выслушал его речь, обращенную к никому: Прощалась сегодня Адарка, любовь всей жизни моего деда, со мной. Больше не будет смертей в доме этом. Я последний. Злые люди глухонемую

знахарку сжили с этого света, сначала лишив дитя, отца моего, за то, что когда дед мой свою невесту отцу своему представил, а тот взглянул и костью подавился, ибо много на нем крови невинных было. А потом людишки жалкие, все за ее богатствами охотились, что дед мой, как выкуп за разлучение с сыном малым оставил. Им, грешникам и невдомек, что церковь в селе, что почти напротив тут на те самые богатства еще при Сталине и построили! Все! Все! Кончилось ее мытарство! Да и червоточине моего организма пора конец положить...»

И вот уже сколько лет прошло, а эта поездка к другу не выходит из моей головы. Ровно за день до моего отъезда мазанка эта сгорела. А вместе с ней и болезненный Михай... Друг Пашка через год переехал в Крым и меня больше не заносило в эти места...

Но зато теперь я точно знаю, что кроме нашего -живых людей существует и их мир, давно ушедших от нас, но по прежнему умеющих любить и ненавидеть. Этот мир далеко и в то же время рядом, а меж нами-белый свет за которым то, что не дано знать здравствующим.

Вопли обычного домового

«Если честно, то очень обидно... Лет то немало, а у меня даже имени своего нет. Для одних я-Барабашка, для других еще лучше... Нафаня! Для моих же нынешних хозяев я-НИЧТО, ибо они в меня не верят, ну конечно, за исключением их трехмесячного крикливого малыша, что не прочь со мной погугукать, пока его родители заняты собой.

Ой! Как же это скучно и опасно быть домовым в обычной московской квартире... Порой я и сам перестаю верить в свое существование! Конечно, в зеркалах не отражаюсь, рост меньше кошки и обязательно как утомившись найдешь в этой двухкомнатной квартире укромное местечко, так обязательно там им надо что то искать. Никаких дел с ними не сделаешь! Не днем, не ночью покоя мне нет. То с самого утра хозяйка суетиться, носиться по квартире полуголой, как ошаленная, того и гляди на голову наступит. А то еще один житель этой ненормальной квартиры-кот Снежок на меня охоту, словно на мышь начнет. Видеть то он меня не видит, но чувствует, зараза! А, то, как сейчас ночью...

Ай! Легок на помине! Глава семейства в три часа ночи по нужде и покурить поднялся!

Кхе-кхе! Ладно я, ребенка то зачем этим дымом травить! Ой! мои бедные глаза, они сейчас из орбит вылезут! Да чего же вонючий этот табак со вкусом винограда! Может он то

этот вкус и чувствует! Я только чувствую, как выворачивает мое нутро наизнанку! А-а-а! Бегом в туалет! Благо щель под дверью большая!

Уй! опередил гад! Ножжж-ку отдал!!!

Ну, сделал дело! Вали! Нет, баран, он последнюю затяжку сделал и бычок в унитаз кинул. Два раза спустил, теперь стоит ждет когда вода в бачке наберется... Пойми башкой своей, твой окурок непотопляем!!!

А-аа-пчхи! Во теперь дезодарант вход пошел! Ой! Если это горный воздух! А-аа-ппччхии! То, то, что выстреливает из меня после их горохового супа-морской бриз!

Во! Ребяенок! Проснулся! Доспускался, гад! Слышь ты, давай уже двигай шлепки в комнату! Помоги жене, она и так у тебя как белка в колесе!

У-у-у! Чувствую там без меня не обойдется! Так, папаша, ногу домовому отдал... Ничего! Сейчас меня потащишь! Вот только поудобней на твой большой палец левой ноги встану! Эй, не так быстро! Я сквозняка боюсь!

Во! Почти на месте! Да что ж, ты граблями своими себя по ноге колотишь! Я ж не муха, тебе в самом деле!

Убаюкивает он! Тут волшебство мое нужно! Да, Борька! Да-а! Вот и наша мамочка встала! Сейчас покормит маленького! Да! Эх, один только меня и понимаешь! Ну, да ладно, здесь, с этим папой, с помощью я опоздал! Пойду на кухню сковородку чистить! Неделю, как пригарела, никто рук своих не приложил! Меня ждут!

А я что железный! В их квартире какой то безродный кот лучше домового живет!

Кстати о котках! В мисочке этого дормоеда сметанка осталась...

Ой! М-мм-м! Хоть и химоза страшная, но вкуснотища настоящая! Ой! Какое блаженство

Нет! Нет! Снежок, фу! Я только поел! Мне вредно бегать после еды

Ой! Ой! Трах-бабах! Дзинь! Дурень это была любимая кружка хозяина!

Чего ж тебя на стол то понесло!

А! Мяу! опередил, ты брат, события! Разбудил всех! Ну тебе, кошачье отродие достанется!

Батюшки! А время то, как быстро идет! Уже пять! Сейчас будильник зазвонит!

О! Я же сказал! Теперь носки свои искать начнет глава семейства! Опа- на! Нашел! Сейчас целоваться начнут и он придет чайник ставить!

Давай, давай завтракай скорей! Да все не доедай! Оставь хоть крошечку яишенки!

Бааааа! Чего то вздремнуть захотелось! Как говорит мой знакомый домовый из соседней квартиры: Мужичок за порог! А я к жинке под бочок!

Надо тихонько прошмыгнуть, чтоб не Снежка, не Бореньку не потревожить! Ох, если хозяева лентяи, сам с ними лентяем станешь!

Ой! Как хорошо-ооо-то! Приятненько! Тепленько! Жалко только, что не перинка, а эта ортопедия! Но одеялко не ку-сачее и аромат французских духов... Оф! Хрр! Хрр! Хрр!

А! Что!!! Эх, молодежь! Да,,ты, хозяйка очумела что ли! Гладильной доски у тебя что ли нет! Почему пеленки на кровати гладить надо! Блин, блин! Горячооо! Да и массаж уют-гом мне не к чему!

Ой! А эта сыроватенькая, приятненько!

Эй! Осторожней говорю! Ты ж меня в этой пеленке за-грабастала! Куда тащишь то! Ничего ж не видно! Ай-йй!!! Прищепкой за мою нежную спинку! Д-д-дд-т! Ххоть бы бал-кон застеклили! На улице мороз минус двадцать! Думаешь вниз башкой под этой пеленкой висеть очень приятно! Ох, и опасно в современном мире домовым служить! А я ведь еще молодой! И тысячи лет нет! У меня ббборррооооДа еще не выросла!!!

Ай! Прищепка китайская! Что ж ты вообще выдержи-ваешь, если домового выдержать не можешь!

Ну и шишак я себе. об пол набил! Благо,,что шелку в д-вери большую оставила! Нет, под кровать, ножки к батарейки и спать! Жестковато! А что делать если в этой квартире ко мне никакого уважения!!! Они и не догадываются о моем присутствии! Ну, я вам ночью сегодня устрою барабашкину ночь! Ой! Нельзя же! Бореньку испугаю... Да, пропади все, пропадом! Ну никакой жизни домовому! Спать! Спать! По-ка Боренька спит! Радость моя! Один меня только и уважает,

да вот сказать не может! Эх, жизнь! Еще проблема прическу себе б под этой кроватью не испортить!

Ай! Ой! Да что ж, ты, меня тут веником то... У тебя ж пылесос есть! Сон отменяется! Бежать! Бежать на кухню! Хотя места мне, ну не где, нет в этой семейке! Но привык к ним, дуракам и не смогу без них! Ладно, в ванне спрячусь! Там тоже тепло! Спи, Боренька! Побежал, пока твоя мама, меня инвалидом не сделала!

Снежок! Не смей!... Фу! Отдохну немного. Хоть в ванной тишина!

Хоооо-заяин! Извращенец!!! Нахрена тебе здесь под ванной журнал с голыми девицами! А на вид-любящий муж! Нет, это место осквернено! На кухню! Снежок, нельзя! Фу, скотина!

А, вот звоночек в дверь! Мамочка извращенца приехала! Беги, беги скотина! Она тебе вкусенького принесла! А я.. А я в свободную комнату! Там тоже кровать!

Ух! Ну наконец то! Спать! Спать! Мои обязанности пока свекровушка выполнит... Тоже домовой, в своем роде, но которого видят и бояться! Сспаать! Спать ничтожество! Никто и ничто! Чья то выдумка! Чья то фантазия... Нет! Я-живое, прибывшее с миссией из параллельного мира! Но запуганное и испорченное людьми! И немного котами! Хрр! Хрр! Хрр!

Аааааа-аа! А! А! Тьфу, ты! Вроде десятый этаж, а автосигнализация в машине под окном, как над ухом! Да и гостья

наша растрянделась. Пожалуй пора в шкаф перебираться! Эх, ма и вот так три последних года! Ни минуты покоя! Вот тут в рукавчике шубки в самый раз будет! Хрр! Хрр! Хрр! Тяхрррржела хрржизть! Хрр!»

P.S. Стрелки часов на кухне приближались к девяти утра. Самый обычный домовый из из обычной квартиры старой панельной двенадцатиэтажки наконец то уснул, впервые за последние три дня! Сколько дел было им переделано! Трижды была собрана рассыпанная соль из сольницы на столе на кухне, раз шестнадцать он спасал квартиру от пожара, когда хозяйка забывала выключить на плите чайник, бесконечные игры и уси-пуси с Боренькой, борьба с пылью на подоконниках и полив цветов в горшочках, которые если бы не он, то они давно бы засохли! Да много еще чего! Но этого никто не замечал! Это значит, что он очень хороший домовый! Пусть поспит еще минут десять! Ведь сейчас проснется Борюсик и взбудоражил своим криком и хозяйку Леночку и маму ее мужа Раису Ивановну и все начнется по новой! Ведь без его помощи не обойтись, только вот его домочадцы об этом и не подозревают! Да! Нелегкая нынче у домовых работа! Тсс! Пусть поспит бедняга!

Что, вы, говорите! Я кто? Тот, кто его оберегает и нахваливает? Да, так! Редкая минута тишины в этой квартире, пока дамы на кухне молча чаёвничают с пирожными, которые так любит тот, кто называет себя НИЧТО!

Сатана

На теннисном турнире в Будапеште с участием звезды мировой величины англичанки Маргарет Винстон, первой ракетки мира, назревала сенсация. В полуфинал вышла доселе малоизвестная новозеландка Сьюзи Карк. Квалификационный турнир это юное дарование прошла благодаря травмы сопернице в первом гейме, а далее просто творились чудеса...

Она обыграла россиянку Катю Веснушкину, потом украинку Столяренко, очень сильную немку Сашу Штайнмайер, американку Даллес и американку и красавицу Элиз Смитт и дошла до полуфинала. Каждый раз букмекерские конторы считали ее победы случайностью или ссылаясь на странные недомогания ее соперниц, как свое отрицание ее мастерства, выносили накануне матчей такой коэффициент, что разве, что сумасшедший, глядя на него мог поставить на ее победу. Но каждый раз некий русский ставил на ее победу кругленькую сумму и увеличивал ее по окончании матча в 20—40 раз. Именно к нему и к его черному портфелю было приковано внимание всей охраны международного турнира перед значимой встречей за выход в финал.

Теннисистки уже вышли на корт и потихоньку разминулись. Сняв модную шляпу и небрежно засунув ее в портфель, который этот зритель бережно поставил между ног, он

извлек из внутреннего кармана пиджака мобильный телефон тут же начал делать селфи на фоне корта. Обязательная, как многие заметили церемония русского перед любимым матчем симпатичной темнокожей новозеландкой, после которой он делал ставку у букмекеров и возвратившись на свое место нервно теребил телефон в руках, без всяких эмоций на лице, дожидаясь исхода матча.

Так и было и в этот раз. По окончании первого сета, что закончился 6:0 не в пользу звезды к нему подседа эффектная леди в красном облегающем платье и по дружески чмокнув в щеку, шепнула ему на ухо: Радостные вести Серж! Корпорация без ума от вашего изобретения и мы берем его на разработку.

Я не сомневался в этом, Элен! -также на ухо ответил ей русский и обняв собеседницу за талию, улыбаясь добавил: Вопрос один! За сколько я продам свое изобретение... Думаю, что сумма менее миллиарда долларов меня не устроит. Ведь не я, не корпорация пока не знает о всех способностях моего эфирного луча... Сейчас, миссис Элен, я сорву куш в два миллиона долларов за победу по ставке и кое что покажу вам не сходя с этого места.

Серж убрал руку от женщины и стал наблюдать за происходящем на корте, покручивая телефон в правой руке. Менее получаса понадобилось первой ракетке мира, чтобы с таким же неприличным 0:6 проиграть и второй сет, а заодно и матч 0:2 и схватиться за сердце, абсолютно не понимая, что

происходит с ее телом, что просто не слушалось ее, звоном в ушах и отсутствию каких либо эмоций. Глупо улыбаясь она пожалала руку победительнице и швырнув ракетку в зрителей, что то напевая медленно побрела в раздевалку. Стадион бушевал. Ликовал и этот русский, что спрятал один телефон в карман, а из другого извлек похожий и принялся за селфи с Элен. Затем набрав какую то комбинацию цифр, он приложил телефон к уху и посмотрел на небо.

Солнце скрылось за неизвестно откуда налетевшими черными тучами. В зловещем небе сверкнула молния и поднялся ветер, невероятной силы.

Элен! – извлекая зонт из портфеля сказал русский, -за этим лучше наблюдать из окна гостиницы. Минут через двадцать просто ветер, теребящий кудри станет ураганом, нас не щадящим. У нас минут десять-пятнадцать...

Глава 1

Серж стоял у огромного окна гостиничного номера и курил сигару, умилялся собой. Наблюдая, как ураганный ветер вырывает из земли деревья с корнями, крушит рекламные щиты,

Уничтожая покрытие теннисного корта и поднимая в воздух пластиковые сиденья для зрителей, изредка поглядывая на свою американскую гостью, представительницу международной корпорации инноваций в сфере электроники, которая на самом деле была дочерней лабораторией новейших военных разработок Пентагона в Европе, мило закамуфлированную под передовую организацию в сфере нанотехнологий, тесно сотрудничающую с НАТО и имеющей особый гриф секретности.

Элен, удобно расположившись тянула кофе из маленькой чашечки, брезгливо морщилась, наблюдая за происходящим за окном, старалась соблюдать свою значимость старалась не встречаться взглядом с Сержем.

Таким образом в этом немом диалоге каждый из них, держа дистанцию друг от друга, пытался выразить свое собственное «я», и показать, что один из них ничто без другого. Элен, как истинная Мата Хари, подчеркивая свое величие, сверля взглядом стену давала понять визави, что изобретения гения ничто без испытаний в их лабораториях, а упря-

мец Серж, кидая взгляд на Элен и восхищаясь силе ветра, говорил ей обратное, что пока необходимая ему сумма не осядет на его счетах, не о каких разработках не может быть и речи...

Американка первой прервала эту бессловесную дуэль и обратилась к Сержу с вопросом: Это правда, что вы родились в России?

Я не только родился в Москве, но и учился до пятого класса в самой обычной московской школе, пока моя мать не вышла замуж за негра и вывезла меня в США. -ответил Серж и почесав лысину продолжил.- Но, Боб -мой отчим, совсем скоро умер от передозировки наркотиков. У нас не было средств к существованию, мы едва сводили концы с концами, но мать решила не возвращаться в Союз. Выскочила удачно замуж за мексиканца, что привез нас в Аргентину. К моему счастью или несчастью именно там нас разыскал мой родной дед, что иммигрировал в 1968 году в Израиль. Я был в тяготу матери, а мне не нужны были маленькие братья-мексиканцы и приняв приглашение деда жить у него, летал в облаках. Именно он, школьный учитель, привил мне любовь к физике, а потом настоял на учебе в МГУ, не смотря на то, что сам боялся, даже смотреть в ту сторону. По окончании учебы я вернулся к деду... Но через месяц он умер, а я подался в армию, сначала Израиль, потом был французский легион, где судьба меня свела с Метью, что пристроил меня в конструкторский отдел Сони Корпорэйшн На са-

мом экваторе перестройки я снова очутился в России, как представитель компании, но меня не привлекали инвестиции, укладываемые Японией в мою историческую родину. Ученый должен изобретать считал я, а не заниматься бизнесом. Меня всегда влекло управлять стихией и однажды оказав, кое какие услуги по разгону облаков к параду 9 мая военным, я вызвался усмирить стихию на Дальнем Востоке. Тогда то мне и пришла мысль о материи, способной укротить стихию... Борясь с наводнением я нашел нечто, что делало меня богом. Но эксперименты шли неудачно, люди, помогавшие мне в этом жаловались на головные боли, боли в мышцах. И я понял, что без огромных вливаний в мой проект денежных средств мне не довести дело до конца. Я уехал в Германию, но не был понят. От меня открестились в Штатах, Японии и тогда прибыв в Новую Зеландию, работая мастером по ремонту бытовой техники, тихой сапой, без больших денег в кармане, неожиданно для себя через семнадцать лет я сам создал свое чудо. Еще шесть лет мне понадобилось на доработку и дизайн и вот теперь-перед вами Господь Бог, а вы все мои овцы, а посему я буду диктовать условия. Потому что подобная шарага вашей, некогда дала мне пинком под зад, опуская на грешную землю, а я вознесся...

Забавно! -произнесла в ответ Элен и оставив недопитый кофе на журнальном столике, поднялась и направилась к входной двери.

Вы, правы, Элен! -махая рукой громогласно закричал Бог

на земле и набрав комбинацию цифр на своем телефоне остановил стихию.

К моменту, когда Элен спустилась на лифте с семнадцатого этажа отеля на улице уже светило солнце и рабочие пятизвездочной гостиницы высыпали на улицу, ликвидировать завалы из деревьев и веток.

Глава 2

Элен спешно перешагивая через препятствия расстегнула свою белоснежную сумочку и на ходу набрала номер. Джордж! -прошептала она милым голосом в трубку-он просто сумасшедший, ситуация выходит из под контроля. Внезапный ураган над городом это его рук дело. Пора поговорить с ним на другом языке.

В ответ ей промычало что то невнятное и послышались короткие гудки.

Добравшись до автостоянки, где была припаркована ее машина она закричала благим матом, произнося различные проклятия. Ее новенький Форд накрыло огромным деревом, сильно покоробив изящные формы любимого авто.

Довольный собой Сергей Дубосарский, в это самое время с бокалом французского вина нежился в своем номере отеля в джакузи, придумывая свои дальнейшие шаги. Отступить от задуманного ему было некуда и как бывший солдат он к этому не привык. Приняв ванну он обернулся в шелковый халат и проследовав в комнату завалился на кровать и сразу уснул богатырским сном. Проснулся Серж только под вечер. Нашупав свой портфель под подушкой, сладко потянулся и открыл глаза. В комнате, кроме него находились три незнакомца, здоровенные амбалы с явно не добрыми лицами.

Отдохнули! -сказал один из них, удобно устроившись в кресле.

Да, так! Немного вздремнул, господа! -с иронией в голосе ответил ему, поднимаясь Дубосарский.— Как я понял Элен привлекла свежие силы для переговоров, что зашли в тупик

Нет, ребята, никакого разговора не будет... Вы можете убить меня, забрать прибор силой, но это только один прибор и этого мало, чтобы стать во главе этого мира... А как только задняя крышечка моей супермобилы будет открыта, схема будет уничтожена и никакого серийного производства не будет. Так что, как говорил русский классик вечером стулья-утром деньги, утром стулья вечером деньги, но деньги -вперед... -Серж, сделал жест рукой, указывающий на дверь и поклонился гостям.

Гости улыбнулись, но не покинули номер. Один из них, самый здоровый поднялся со стула и достал из кармана пиджака шприц с какой то красной жидкостью и направился к Дубосарскому. Тот пошел на встречу, в метре от соперника сделал ложный замах правой рукой, выбив левой шприц из руки наступавшего на пол, потом коленом ударив в пах здоровяка, подключив правую руку ударил того в челюсть и раздавил шприц обеими ногами

Ваш следующий ход, ребятки! -шепотком и с издевкой произнес Серж и погладил по голове уже отступившего от него амбала.

Их старший кивнул в сторону двери. После чего все трое

поспешили молча удалится. Дубасарский после их ухода залпом выпил стакан вина, что было в графине на столике снова растянулся на кровати.

Глава 3

Утром следующего дня Дубосарский решил поднажать на корпорацию. Плотнo позавтракав он достал из портфеля то самое устройство, с функциями мобильного телефона, которым вчера вызвал ураган, о коем с утра вещали все местные средства информации, зашел в геолокацию и начал менять настройки бубня себе под нос: Так зона покрытия сигнала от турецкого побережья Черного. моря, далее Крым, вся Россия, Монголия, Китай, далее направление вверх на северо-восток через Аляску и сразу вся Гренландия, южная часть Канады, полностью США, резкий разворот по границе Аргентины на Африканский континент точно по экватору с ослаблением. Готовность 24 часа.

Далее на дисплее высветилось положение всех искусственных спутников над небом Венгрии точно через сутки секунда в секунду. Немного поразмыслив гений выбрал один из американских спутников НАСА и включил локацию движения облаков над Тихим и Атлантическим океаном и при помощи нескольких прикосновений к сенсору экрана среднего пальца правой руки изобразил их направления с эпицентром антициклона над Черным морем, затем перешел в настройки в температуру и зажал верхний и нижний пределы минус 60 и плюс 55, затем нажал включить и лихорадочно хохоча убрал свое устройство в портфель.

Потираю руки от удовольствия и восхищения своего разума он вновь потянулся к портфелю, что стоял в ногах и всегда был с ним на расстоянии вытянутой руки и извлек другое устройство с функцией телефона и не торопясь набрал номер Элен. Сразу после первого гудка та ответила своим звонким и несколько сексуальным: Аллоу!

Расплывшись в улыбке до ушей Серж подошел к огромному зеркалу на стене в номере и наслаждаясь своим отражением ласковым баритоном без раздражения в голосе сказал: Слушай меня, любимая сучка! У вас 23 с небольшим часа, чтобы распахать мой миллиард на семь моих известных вам счетов. В противном случае, программа, что уже введена начнет сметать этот мир с лица планеты. Я сам возьму, то что хочу, а может и больше, после того, как ветер снесет все крыши мира и посеет хаос. Я улетаю сегодня в Новую Зеландию, но если мои условия будут выполнены, то лично прибуду в Вашингтон и сам возглавлю серийное производство. Время, тикает, дорогая!

Не дав ничего ответить Элен на услышанное он сбросил ее номер и повернувшись к зеркалу спиной набрал другой: Союз! Не спишь, любимая! Финал для тебя отменяется! Объясню все потом! Немедленно сошлись на сильные недомогания и откажись от турнира. Через пару часов жду тебя в аэропорту.

Сьюзи, также, как и Элен не успела ничего сказать в ответ, как уже слышала короткие гудки.

Дубосарский также после разговора залез в настройки и весело улыбаясь, спешно ввел какую то программу, затем подключился к российскому спутнику, после чего вошел на сайт букмекерской конторы xbetparisport и сделал крупную ставку на матч Кубка России между Динамо и Читой.

Убрав устройство в портфель, он надел пиджак и подошел к окну, с превеликим удовольствием закурил сигару.

Глава 4

Толпы журналистов буквально преследовали в аэропорту чернокожую девушку-сенсацию Сьюзи Карк. Демонстративно прихрамывая в длинном платье небесного цвета с глубокими вырезами по бокам, строя из себя королеву, эффектно позируя перед камеры и улыбаясь голливудской белоснежной улыбкой она твердила: Никаких интервью! Господа журналисты, имейте совесть! До встречи на Уимблдоне!

Поодаль от этой светской толпы с чемоданчиком в руках, в шляпе и черных очках, улыбаясь лошадиной улыбкой в зону контроля важно вышагивал Дубосарский. Краешком глаза он заметил длинновязого лысого мужчину, в блестящем сером костюме и рыбьими глазами, что спешной походкой направлялся именно к нему. Серж ускорил шаг, лысый тут же перешел на бег и буквально через 10—15 секунд положил свою тяжелую руку на его плечо. «Мистер Дубосарский, я задержу вылет на полчаса, мне нужно переговорить с вами».

Вы от Элен? -сняв очки и косо посмотрев на лысую каланчу спросил ученый.

Я в курсе ваших дел с корпорацией, скажу более Элен преследует свои цели, но тихонечко сливает кое какую информацию нам. А нам не выгодно серийное производство ваших игрушек через корпорацию без нашего контроля. И поэтому

могу немедленно предложить сумму в три раза большую, если, вы, без раздумий примите наши условия!» -заявил незнакомец.

Я к вашим услугам! -ответил радостно Дубосарский и проследовал за ним. Молча лысый провел его через зал и вывел на улицу, пригласив знаком сесть в припаркованный рядом красный «опель»

Попросив выйти из салона авто водителя долговязый незнакомец приказал Дубосарскому не перебивать его, а внимательно слушать и сказать свое «да», только тогда, когда ему будет это позволено.

Серж нахмурился, ибо привык быть хозяином положения, но мысль о крупной сумме денег убаюкала его и согласитель-но кивнув, пристально посмотрев на собеседника пригото-вился слушать.

А собеседник взял ноутбук с переднего кресла возле водителя, положил его себе на колени и монотонно, как на судебном заседании начал свою речь: Экономьте свое и мое время и не перебивайте меня, мистер Сатана! Такой ник мы дали вам в нашей организации. Думаю, что хоть раз в своей жизни, вы, что то слышали об организации «Череп и кости», У вас и у нас одна цель и в нашей разработке, Сатана, у нас уже 3 года с момента сбоя в работе спутника“ X572 „Но речь не о том. Мы в курсе, что произойдет, если корпорация не переведет деньги на ваш счет. Скажу больше, мы заинтересованы, чтобы это произошло и только за это совсем

скоро миллиард долларов ляжет на ваши счета, еще миллиард ляжет на эти же счета. после подробной записки, которую необходимо подготовить в течении недели и в зашифрованном виде передать на указанный электронный адрес об основном принципе действия и природе ваших эфирных лучей, а так же что, кроме управления природой и психического влияния на человека могут они золотоносные. После чего не корпорация, а мы возьмем их в серию, поставив во главе производства и тогда вас ждет третий миллиард, но с условием, что в ближайшие пять -шесть лет, Сатана научит нас не только иметь влияние над каждым, живущим на Земле, вызывать ураганы и торнадо в неудобных странах, испепелять жарким солнцем одних и превращать в сосульки других, но воплотить давнюю мечту человечества-машину времени в жизнь. Ведь наработки в этой области у вас есть и немалые... В принципе у меня все... Вы можете теперь сказать свое «да» или категорическое «нет», а я могу уже сейчас перевести деньги на счет. Но... полетите со своей спутницей сейчас не в Новую Зеландию, а пасмурный Санкт-Петербург, спасти древний город от урагана и устраивать карьеру новой звезды российского тенниса в лице Сьюзи. Мои люди уже переделали ваши билеты и ваша симпатичная «обезьянка» дожидается вас в самолете.

Затем лысый открыл ноутбук и раскидав миллиард на примерно одинаковые суммы отправил деньги на счета Дубосарского, потом взглянул на него из под лобья и вежли-

во спросил: Ну, так да, Дубосарский Сергей Эммануилович.

Жадно глотая воздух, тот молча кивнул головой, а лысый одобрительно похлопал его по плечу и всунул в нагрудный карман мини-библию, в которую был вложен листочек с шифром, пожелал счастливого пути и заявил, что шофер проводит его до терминала.

Глава 5

Дубосарский мирно посапывал откинувшись на спинку кресла самолета. Сладкий глубокий сон его являлся побочным эффектом постоянной близости возле него неразлучного с ним чемоданчика, в коем гений физики и электроники хранил свои устройства, при помощи которых он собирался стать властелином этого грешного мира. Что острое и весьма неприятное довольно сильно толкнуло его в бок, потом еще и еще раз. Причем все большее и настойчивее. Не открывая глаз он машинально стал обороняться от того, что мешало ему спать. До его слуха, что проснулся вперед всего организма донеслась бранная речь на арабском. В его руке, которой он оборонялся от того, что больно било вбок оказалось что то теплое и приятное на ощупь. Резко открыв глаза и повернув голову в ту сторону, в которой что то держала рука он увидел Сьюзи, вжавшуюся в кресло. Глаза ее готовы были выскочить из орбит, она нервно дышала и что есть мочи пихала локтём спутника в бок. Именно ее локоток и удерживала тяжелая рука Сержа. Окончательно проснувшимся повелитель мира медленно отпустил локоток новозеландки и перевел взгляд на бородача, что стоял спиной к кабине пилота, держа в левой, вытянутой вверх левой руке гранату, а правой сжимал горло белокурой девушке и усиленно тыкая ей в щеку перочинным ножом.

Дубосарский зажал ногами портфель и выдвинул его немного вперед. Рукой, что недавно держала локоток новой звезды тенниса он тихонечко растегнул его и приподнял за ручку на уровень своих колен и тихонечко стал извлекать из него то устройство из двух, которое было поменьше в размере. И в тот момент, когда растегнутый портфель оказался на полу между ногами, а телефон был уже в его руке предательски раздался громкий сигнал смс, извещающий о победе в ставке на матч Динамо-Чита, который закончился со счетом 7:2 в пользу последних и также сообщалось, что Чита забив 7 мячей в ворота соперника забила два автогола в свои. В этот же момент страшный бородач что то заорал и замахал рукой, в которой находилась граната и что то тяжелое опустилось ему на голову сзади и Дубосарский потерял сознание. Сообщник террориста, что находился где то в середине салона и которого еще спросонья не заметил ученый, что вырубил его кастетом по черепу сзади поднял с пола телефон, что выпал из руки Сержа и положил его себе в карман. Затем он растегнул свою куртку, неистово заорал и указал рукой на пояс смертника, красная лампочка которого мигала, на его обнаженном торсе. Этот смертник, совсем еще юнец занял позицию возле Дубосарского устремил свой взгляд на Сьюзи Знаком он велел ей подняться с места у окна и подойти к нему. Закрыв глаза от страха та повинувшись стала перешагивать через ноги Дубосарского. Тот очнулся, морщась от боли тупо посмотрел перед собой и резким дви-

жением одной руки вернул девушку на место и также неожиданно сделал захват руки юнца-смертника, следующим движением он рванул ее с силой вверх и развернув мальчика к себе спиной, ударом ноги в его в его ахилл и выворачиванием руки в сторону его головы уложил на пол, в какую то долю секунды очутившись верхом на его спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.